

Суворова Ирина Михайловна

"КОРАБЛЬ ДУШЕВНЫЙ", ИЛИ НРАВСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье рассматривается проблема аксиологической разобщенности российского общества, которая активно обсуждается в современной гуманитаристике. Особую роль в формировании ценностной сферы культуры автор отводит отечественной образовательно-воспитательной системе. Философский анализ ценностной сферы древнерусской культуры позволяет выявить роль и место образования в проблеме формирования нравственно-эстетических ценностей личности в аспекте отечественных традиций.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-1/41.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. I. С. 173-176. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

SOVIET LEGISLATION AND RELIGIOUS COMMUNITIES (BY MATERIAL OF ORSHA VILLAGE OF MARI AUTONOMOUS REGION IN 1918-1929)**Starikova Elena Pavlovna***Mari State University
tyulkina.elena@yandex.ru*

The attempt to trace the changes in the legal status and actual situation of the parish in the RSFSR in 1918-1929 is made by the example of Orsha religious community in Mari Autonomous Region. The author considers the definition of the new legal status of the parish, the process of church property transfer to the faithful, the procedure of the state registration of the community, the features of the new parish charter and the conditions of the community's administrative and economic life.

Key word and phrases: community; parish; decree; charter; council.

УДК 7.01

Философские науки

В статье рассматривается проблема аксиологической разобщенности российского общества, которая активно обсуждается в современной гуманитаристике. Особую роль в формировании ценностной сферы культуры автор отводит отечественной образовательно-воспитательной системе. Философский анализ ценностной сферы древнерусской культуры позволяет выявить роль и место образования в проблеме формирования нравственно-эстетических ценностей личности в аспекте отечественных традиций.

Ключевые слова и фразы: аксиосфера; эстетика; педагогика; образование; воспитание; духовно-нравственные ценности.

Суворова Ирина Михайловна, к. филос. н.*Петрозаводский государственный университет
suvormih@list.ru***«КОРАБЛЬ ДУШЕВНЫЙ», ИЛИ НРАВСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ©**

Аксиологическая полемика по поводу приоритета ценностных доминант в современном обществе является предметом дискуссии философов, социологов, педагогов и психологов. Особенно актуальна ценностная проблематика в области образования и воспитания, так как именно в школьном возрасте в процессе познания мира происходит формирование ценностных ориентаций личности. «В решении проблемы использования прошлого исторического опыта нужно исходить из выявления в этом опыте непреходящих ценностей, законов и закономерностей, которые могут быть взяты на вооружение для решения наших сегодняшних и завтрашних задач» [8, с. 156]. С конца XX века отечественная система образования не раз обращалась к западным образцам, заимствуя методический, организационный и педагогический опыт без учета отечественных традиций. Об опасности такого копирования писал еще в XIX веке Н. Я. Данилевский, называя «европейничанье» типичной русской болезнью: «Взгляд как на внутренние, так и на внешние отношения и вопросы русской жизни с иностранной, европейской точки зрения, рассматривание их в европейские очки, так сказать в стекла, поляризованные под европейским углом наклоения, причем нередко то, что должно бы нам казаться окруженным лучами самого блистательного света, является совершенным мраком и темнотою» [5, с. 723]. А. К. Д. Ушинский отстаивал право на приоритет отечественных педагогических традиций, представляя идею общественного смысла воспитания в принципе народности: «Воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у другого народа. Но, кроме того, только народное воспитание является живым органом в историческом процессе народного развития» [9, с. 194]. Идея народности означала для него объективную потребность каждого народа в собственной системе обучения и воспитания с национальными чертами и творческими проявлениями.

Современные ученые свидетельствуют о «новых» внедряемых ценностных ориентирах общества: «В наши дни декларируются капиталистические ценности: гражданское общество, демократическое государство, частная собственность и конкурентный рынок, причем не учитывается ни вековая культурная традиция, ни те нравственные установки, которыми жила Россия» [4, с. 12]. Также нередко звучат и предупреждения о последствиях унификации современной образовательной системы: «Чем уже спектр типов и характеристик, представляющих систему (в том числе и образовательных) и жестче схема управления, тем меньше устойчивость и выше риски негативных сценариев развития» [2].

Так следует ли сегодня, в условиях глобализирующегося и технократичного мира обращаться к опыту отечественной педагогики прошлых столетий как источнику знаний о формировании ценностных ориентаций личности? И какие ценностные ориентации были положены в основу отечественного образования? Ответы на эти актуальные вопросы заключены в предметном исследовании самых первых этапов становления отечественного образования (периода Древней Руси), когда только закладывались основы аксиосферы древнерусской культуры.

Ценностная сфера древнерусской культуры целиком и полностью опиралась на христианскую православную традицию. В свою очередь, православие базировалось на книжном знании, что требовало определенного уровня грамотности в обществе. Как отмечается в «Повести временных лет», уже князь Владимир пытался организовать первые христианские школы, понимая значимость обучения для развития не только личности, но и для государства: «И нача ставити по градам церкви и попы, и люди на крещение приводити по всем градам и селам, послав нача поимати у нарочитое чади (знати) дети и даяти нача на ученье книжное» [7, с. 602]. Как позже засвидетельствует митрополит Иларион, матери по отданным в школу детям плакали «аки по мертвици», по их представлениям, сыновья действительно умирали для жизни прежнего уклада. Такое неприятие новшества действительно наносило удар по устоявшимся мировоззренческим представлениям русских, но православная вера, расцветавшая городская культура и становящаяся государственная «машина» требовали этих изменений. Как же отразились эти необратимые социальные изменения на формировании нравственно-эстетических идеалов древних русичей, или, говоря словами Илариона, – «корабля душевного»?

Ценностью нравственной, эстетической, материальной и художественной в системе обучения Древней Руси была книга. Вот как об этом пишет летописец: «Велика ведь бывает польза от учения книжного; книги наставляють и научают нас пути покаяния, ибо мудрость обретаем и воздержание в словах книжных. Это – реки, напоющие вселенную, это источник мудрости, в книгах ведь неумеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они – узда воздержания... Если поищешь в книгах мудрости прилежно, то найдешь великую пользу для души своей» [6, с. 132]. Весьма примечательно, что в этом гимне книге, книжному учению летописец подчеркивает ее роль не только в образовании, но и в нравственном воспитании. Книга – источник мудрости, знания и одновременно средство «наказания», т.е. наставления, поучения, «узды воздержания» от низменных побуждений и страстей.

Таким образом, можно сделать вывод о приоритетах древнерусской педагогики – это собственно книжное образование и воспитание высоконравственных учеников. Примером рассуждений о ценностях, преподаваемых ученикам, является сочинение митрополита Илариона (XI в.) «Слово о Законе и Благодати»: «И столь помиловал Благой Бог человеческий род, что, человеки по плоти, через Крещение (и) добрые дела сыновьями Богу и причастниками Христу становятся; чтобы корабль душевный и веру сохранив и, с богатством добрых дел, без соблазна жил». «Поучение» киевского князя Владимира Мономаха непосредственно указывает на человеческие добродетели, коих стоит добиваться (трудолюбие, почитание старших, честность, прямодушие и гостеприимство), а также грехи, от коих стоит избавляться (лживость, пьянство, блуд и леность). Написанное в XIII веке «Моление» Даниила Заточника предписывает ученикам в качестве ценностей разум и мудрость: «Очи мудрого во главе, а безумного аки во тьме ходят». На уровне содержания образования риторика в Древней Руси рассматривалась как «высшая» наука. Об «историчах и ветиях» говорил Кирилл Туровский – блестящий оратор и представитель торжественно-учительного красноречия на Руси. Он отмечал, что писатель и оратор («летописец и песнотворец») должен вслушаться в происшедшее («приклоняють своя слухы в бывшая межю цари рати...»), украсить деяния героев подобающими словами («украсять словесы и възвеличать мужествовавшая крепко по своему цари... и тех славяще похвалами венчают») [Там же, с. 72].

Неслучайно в русском языке в качестве эстетической оценки закрепилось прилагательное «красный» в смысле красивый, что свидетельствует об общности зрительного восприятия красоты. Но не только красными были речи учителя, они предлагали ученику правила жизненного поведения (в частности, речевого поведения), которым должно было следовать в соответствии с христианско-этическими нормами жизни. Сборники под названием «Пчела» содержат множество изречений о житейской мудрости и добродетели. Почти половина из них относится к правилам практической риторики, т.е. нормам речевого поведения, записанным в наставлениях античных и христианских писателей. Формируются нормы общения: «Соломон рече: во уши безумнаго ничто же глаголи, егда похулить мудрая твоя словеса»; «Пифагор: удобь есть камень всеу пустити, нежели слово праздно»; «Фотий: слово подобно есть зеркалу, яко же тем образ телесный и личный является, тако же и беседоу душевный образ образуем назнаменуется». Слово есть благо при правильном обращении с ним («Слово аки благы житьем одеваает душо образом... Ластвици тишину проповедають весньюю, а мудрая словеса беспечалие»). Именно словом человек отличен от прочих животных: «То его знаменье, то же его град, то же его сила, то же оружие, то же и стена» [Там же, с. 69]. Эти правила речи (педагогический настрой в них очевиден) являлись фактически «теорией речи» в Древней Руси, ее практической риторикой.

С конца XIV века, когда расцветает русское средневековое искусство литературы, архитектуры, иконописи и музыки, проявляется и главная духовная ценность россиян – соборность. «Под соборностью имеется в виду принципиально внеличностный (надиндивидуальный) и в достаточно широких временных рамках – вневременной характер эстетического сознания. Это сознание собора родственных по духу людей, достигших в процессе совместной литургической жизни духовного единства как друг с другом, так и с более высокими духовными уровнями, в идеале – с Богом; при этом полностью сохраняется и даже усиливается неповторимое личностное сознание каждого из индивидов, образующих собор» [3, с. 33].

Зарождается это сознание в процессе «духовного делания» не только в лоне Церкви, но и в православной школе, где ученики под руководством опытного учителя постигали азы веры и получали благодатную помощь свыше. Соборность – это духовная ценность особого рода, которую нельзя приравнять к известному понятию коллективизма. Исследователь и поборник соборности Н. А. Бердяев писал: «Ложь коллективизма заключается в том, что он переносит нравственный экзистенциальный центр, совесть человека и его способность к суждениям и оценкам из глубины человеческой личности в *quasi* реальность, стоящую над человеком. В коллективизме человек перестает быть высшей ценностью» [1, с. 323]. Собственно абсолютными ценностями, на любви к которым объединялись русские люди, были Бог, Царь и Отечество. Именно эти базовые ценности позволили русским создать мощнейшее и огромное государство, выстоять в ходе многочисленных нашествий и сохранить свою ментальность. Впоследствии категорию соборности как главную ценность русской ментальности рассматривали в своих трудах В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский. Особое внимание Н. А. Бердяев уделил соборности в своей работе «Царство Духа и Царство Кесаря», говоря о том, что «соборность церковная не есть какой-либо авторитет, хотя бы авторитет собора епископов и даже вселенских соборов, а есть пребывание в общении и любви церковного народа и Духа Святого» [Там же, с. 331]. Кроме того автор указывал, что внешних признаков для соборности не существует, они существуют для организации в государстве и обществе. А самое главное, что «Соборность – Коммюнитарность не может означать никакого авторитета, она всегда предполагает свободу» [Там же], в первую очередь свободу творчества.

Соборность, как духовная ценность объединяла и воодушевляла русичей на творчество. Именно художественное творчество Древней Руси и демонстрирует весь спектр эстетических ценностей аксиосферы культуры. Это софийность как проявление высшего единства мудрости и красоты. Осуществлялась данная ценностная установка через принцип художественного символизма и высокой степени условности выразительных средств. Каждый ученик древнерусской школы должен был не только уметь читать этот язык символов, понимать его, но и интерпретировать для неграмотных. Собственно, в этом заключалась его соборная миссия.

Идея духовной миссии русского народа – еще одна ценность, которая передавалась из поколения в поколение как святая, как закливание: «Москва – третий Рим, а четвертому не бывать!». Именно она нашла свое эстетическое претворение в архитектуре Московского Кремля, в иконописи рублевской школы, в эстетике и блеске церковных церемоний. Собственно блеск, или свет отраженного церковного золота, – это эстетическая традиция, пришедшая из Византии по наследству. Но именно она как проявление Божественного света достигает своего апогея в убранстве русского православного храма, поражая воображение прихожан.

С начала XVI века в аксиосфере древнерусской культуры утверждается и прямо противоположная ценность – эстетический и духовный аскетизм. «Нестяжатели» под руководством Нила Сорского проповедовали для своих учеников отказ от гедонизма, яркости, пышности и богатства церковных служб и быта. Таким образом, возникла ситуация аксиологической и эстетической полемики по поводу каноничности и новаторства русского искусства: в иконописи обнаружилось стремление к «живоподобности», в литературе произошло «открытие характера» (Д. С. Лихачев), человек стал объектом художественной рефлексии. Данная ситуация в результате привела в XVII веке к созданию первых учебных трактатов на русском языке по музыке, живописи, риторике, эстетике церемоний. Эти учебные пособия содержали уже не только описания старых принципов и методов работы художника, но также поясняли ученикам образцы искусства Западной Европы. А такое сопоставление и сравнение в методологии свидетельствует о переходе аксиосферы культуры на другой уровень – уровень западноевропейской аккультурации, значительно расширяющий спектр самой отечественной аксиосферы.

Важнейшим элементом древнерусской аксиосферы культуры выступали представления о человеке, его месте в мироздании. Одним из представителей традиции, намеченной некогда Иларионом, был Климент Смолятич – первый из русских книжников удостоенных звания «философа». Признавая свободу воли, Климент все же больший упор делал на «силу Божию», идею божественного Промысла. Поскольку мир устроен целесообразно, а человек – творение Бога, причем наиболее совершенное, то его можно назвать венцом, средоточием мироздания. Эти представления о человеке как высшей ценности, безусловно, носили антропологический и гуманистический характер, что было прогрессом в просветительской традиции Древней Руси.

Определенные нравственные ценности декларировал известный «Домострой», написанный предположительно протопопом Сильвестром в XVI веке. Назидательным тоном автор учил взрослых и детей ценить трудолюбие, справедливость («тот, кто никого не избидел»), уважение к старшим. На многие десятилетия «Домострой» стал незыблемым авторитетом в воспитании патриархальной личности, умеющей «блудности порядки». Таким образом, строгость воспитания и образования подрастающего поколения вошла в практику отечественных педагогов.

В целом исторические «вызовы» аксиосферы культуры Древней Руси нашли своевременные и конструктивные решения в воспитательной и образовательной традиции. Эта педагогическая традиция совершила переход от неинституализированной формы к началу институализированной, от бесписьменного обучения к письменному, от элементарного наследного способа передачи знаний к первой методике. Своеобразным ответом на «вызов» аксиосферы православной культуры стало появление протоинституализированной формы образования.

Таким образом, усложнившаяся аксиосфера культуры содействовала эволюции образовательно-воспитательной традиции. В свою очередь, «корабль душевный» (духовный идеал) обогатился православными этико-эстетическими ценностями соборности, софийности, трудолюбия, почитания старших, честности, прямодушия, гостеприимства, послушания, благолепия. Следствием утверждения этих нравственных идеалов древних русичей стало духовное единение народа, что позволило даже в период политической раздробленности сначала сохранить национальную независимость, а затем создать мощнейшее государство.

Вероятно, что этот исторический «урок» показывает современным педагогам, как духовные ценности, заложенные в основу образовательных программ и дидактических систем, способны формировать ментальность народа, его самосознание и самодостаточность, как признаки зрелости духа. В свою очередь, ориентация современной педагогики на гуманитарные, духовные ценностные доминанты может являться залогом консолидации российского общества, которое в период глобального системного кризиса нуждается в аксиологической ориентации с учетом собственного накопленного опыта.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Царство Духа и Царство Кесаря. М.: Республика, 1995. 332 с.
2. Бермус А. Г. Онтологический поворот в науках об образовании [Электронный ресурс] // Непрерывное образование: XXI век: научный электронный ежеквартальный журнал. 2013. № 2. URL: <http://i1121.petrus.ru/journal/article.php?id=2081> (дата обращения: 01.11.2013).
3. Бычков В. В. Эстетика: учебник. М.: Гардарики, 2005. 556 с.
4. Валицкая А. П. Аксиосфера: содержание понятия и его инструментальный статус // Аксиосфера современности: философско-эстетический анализ и нравственное обоснование социокультурных практик: колл. монография. СПб.: Астерион, 2013. С. 5-14.
5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Институт русской цивилизации. М., 2008. 816 с.
6. Днепров Э. Д., Кошелева О. Е., Корнетов Г. Б. и др. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. / отв. ред. Э. Д. Днепров; АПН СССР, НИИ общ. педагогики. М.: Педагогика, 1989. 479 с.
7. Лихачев Д. С., Романов Б. А. Повесть временных лет. М.: Издательство Академии наук СССР, 1950.
8. Салихова Р. М. Развитие гражданского воспитания в России (историко-педагогический аспект) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (35): в 2-х ч. Ч. I. С. 153-156.
9. Ушинский К. Д. О народности в общественном воспитании // Ушинский К. Д. Педагогические сочинения: в 6-ти т. М.: Педагогика, 1990. Т. 1. 416 с.

“SHIP OF SOUL”, OR MORAL-AESTHETIC VALUES IN OLD RUSSIAN PEDAGOGICAL TRADITION

Suvorova Irina Mikhailovna, Ph. D. in Philosophy
Petrozavodsk State University
suvormih@list.ru

The problem of the Russian society axiological dissociation, which is actively discussed in modern humanities, is considered in the article. The author assigns a special part to native educational system in culture value sphere formation. The philosophical analysis of the Old Russian culture value sphere allows revealing education role and place in the problem of the personality's moral-aesthetic values formation in native traditions aspect.

Key words and phrases: axiosphere; aesthetics; pedagogy; education; upbringing; moral-aesthetic values.

УДК 303.01

Политология

Статья раскрывает методологические основания и проблемы исследования экстремизма как социально-политического феномена. Основное внимание автор акцентирует на необходимости определения взаимосвязи и дифференциации понятий экстремизма и радикализма. Выявляются сущностные признаки и структура сознания субъекта экстремистской деятельности в политической сфере. Анализируется проблема насилия и принуждения в политическом дискурсе. Формулируется определение политического экстремизма как идейно-мировоззренческого явления, диалектически сочетающего конструктивное и деструктивное начала.

Ключевые слова и фразы: экстремизм; радикализм; деструктивизм; радикалистское сознание; экстремистская установка.

Суслонов Павел Евгеньевич, к. филос. н., доцент
Уральский юридический институт Министерства внутренних дел России
dr.suslonow2010@yandex.ru

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА©**

В политическом обиходе существует устойчивый синонимический ряд терминов, описывающих интересное нас явление. В первую очередь это радикализм и экстремизм. Кроме этого, следует учитывать